Зайцев О., Беген О., Стефанів В. **Націоналізм і релігія: Греко-Католицька Церква та український націоналістичний рух у Галичині (1920–1930-ті роки). Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2011. — 384 с.**

Вокруг вопроса о взаимоотношении украинского националистического движения и клира Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) всегда существовал определенный ажиотаж, что способствовало его тенденциозному освещению. Историки советской эпохи безапелляционно обвиняли греко-католическое духовенство в пособничестве фашизму, а Греко-католическую церковь (ГКЦ) едва ли не отождествляли с Организацией украинских националистов (ОУН), в равной мере возлагая на них ответственность за «преступления против украинского народа»[1]. Под воздействием данного клише в определенной степени находятся и российские конфессиональные (православные) историки[2]. В украинской историографии (эмигрантской и современной), напротив, зачастую наблюдается склонность идеализировать деятельность украинских националистов и подкреплять правоту их действий примерами поддержки ОУН со стороны иерархии ГКЦ[3]. Фактически все указанные исследования посвящены периоду Второй мировой войны. Экстремальные условия военного времени упростили картину

1. *Дмитрук К. Е.* Униатские крестоносцы: вчера и сегодня. М., 1988; *Ярослав Галан*. С крестом или с ножом. М.: Художественная литература, 1962; *Масловский В. І.* С кім і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни? Москва: Славянский діалог, 1999.

2. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви (1917–1997): История Русской Церкви: В 9 т. Москва, 1997. Т. 9; *Добош Олексій, прот.* Унія на Україні. Вік XX. Кам'янець Подільський: «Дзвін», 1996.

3. *Савчук С., Мулик-Луцик Ю.* Історія Української греко-православної церкви в Канаді. В 5 т. Віннепег, 1984. Т. 1. Київська церковна традиція українців Канади; *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939–1950). Львів: Український Католицький Університет, 2005; *Старка В. В.* Рух опору а Галичині в 1941–1944 рр. Львів, 2006.

достаточно сложных взаимоотношений между радикальными украинскими партиями и объединениями греко-католиков.

Поэтому попытка коллектива авторов Украинского католического университета (Львов) исследовать данную тему на материале межвоенного периода, когда лишь формировались основы взаимоотношений ГКЦ и украинского националистического движения, привносит свежую струю в историю рассмотрения вопроса и позволяет более объективно описать эти взаимоотношения. О серьезности намерений авторов свидетельствует углубленное изучение политико-общественной ситуации в Галиции того времени, а также проведение параллелей с развитием аналогичных отношений — между организациями определенного типа и «национальными» конфессиями — в ряде других европейских стран после Первой мировой войны. В то же время на протяжении всей работы заметна принадлежность авторов к конфессиональной историографической школе, что выражается в оценке событий через призму христианской этики.

В первой главе авторы рассмотрели особенности развития национальных движений и их взаимоотношения с доминирующими церковными организациями в странах Западной и Восточной Европы. По их мнению, общеевропейский социально-политический контекст оказал существенное влияние на формирование связей украинских националистических кругов с церковной средой в Галичине в 1920–1930-е гг. Предваряет исторический экскурс теоретическая разработка вопроса о европейском национализме, в которой авторы опираются на труды западных исследователей — Эмилио Джентиле, Карлтона Гейза, Джона Армстронга и Петера Альтера[4]. С их помощью А. Зайцев охарактеризовал различные формы национализма, обратив особое внимание на «интегральный национализм» (когда нация рассматривается как органическая целостность и высшая ценность, ее интересы ставятся выше интересов личности, какой-либо социальной группы, других наций и человечества в целом) и теорию «политической религии» (которая предполагает сакрализацию определенной идеологии и интегрального политического движения, не признает свободу личности, борется с традиционными религиями или подчиняет их себе) (с. 31, 35).

4. Gentile, E. (2006) *Politics as Religion*. Princeton; Hayes, C. J. H. (1968) *The Historical Evolution of Modern Nationalism*. New York; Armstrong, J. A. (1990) *Ukrainian Nationalism*. Englewood (Colorado); Alter, P. (1993) *Nationalism and Liberalism in Modern German History*. St. Paul, Minnesota.

Подводя итог анализу понятий, Зайцев отмечает, что наиболее бурное развитие модерных националистических идеологий, равно как и модернизация христианского мировоззрения, происходит именно в межвоенный период. Исследователь приходит к выводу, что все националистические движения в странах Европы, которые могут быть охарактеризованы как «интегральные», в то время в разной степени находились под влиянием фашизма. Во всех интегральных националистических движениях вопрос отношения к традиционным христианским религиям стоял очень остро, хотя и имел свою специфику в разных государствах.

Идеология интегрального национализма предполагала или искоренение традиционных конфессий, или подчинение их идее нации, однако далеко не всегда это удавалось реализовывать на практике. В некоторых случаях лидерам движения все же необходимо было вписываться в рамки христианского мировоззрения и даже согласовывать свои действия с позицией церковной иерархии. Это было характерно для стран, где позиции церкви были особенно сильны в обществе (яркий пример — Польша). Тем не менее очень часто интегральный национализм (с выраженными фашистскими и тоталитарными чертами) принимал крайние формы, превращаясь в политическую религию (Германия, Румыния). Что касается церковных организаций, в большинстве случаев им так и не удавалось избежать участия в политике, хотя и в неодинаковой степени. Некоторые из них сумели сохранить независимость, опираясь на принципы веры, другие же отчасти попали под влияние интегрального национализма.

В двух последующих главах авторы рассматривают роль Греко-католической церкви в украинской общественно-политической жизни времен Второй Речи Посполитой, а также развитие и становление идеологии и методов борьбы украинского националистического движения. В книге приводится большое количество примеров активности греко-католических клириков (среди которых ведущее место занимал глава ГКЦ митрополит Андрей Шептицкий), направленной на развитие гражданского общества и пробуждение национального самосознания. Историки ставят в заслугу митрополиту Андрею его инициативы по созданию целой сети мирянских организаций христианской и общественной направленности (Украинский католический союз, Марианское товарищество молодежи, Марианские дружины и союзы, Украинская христианская студенческая организация), которые преследова-

ли цель сформировать новое политическое мировоззрение, построенное на духовных основах и призывавшее всех политиков и общественных деятелей к моральной ответственности перед народом. Так, иерархия ГКЦ пыталась противостоять опасным, на ее взгляд, коммунистическим, социалистическим, либеральным и ультрарадикальным националистическим идеям.

Инициативы греко-католического духовенства имели успех среди населения, и в 1930-е годы в христианские общественные организации удалось привлечь значительные массы населения, в том числе школьную и студенческую молодежь. При этом политические круги зачастую неодобрительно относились к такого рода общественной деятельности церкви, полагая, что ее компетенция не должна распространяться за границы собственно религиозных вопросов. В оправдание ГКЦ авторы утверждают, что митрополит Андрей Шептицкий пытался стоять выше всякой политической борьбы, отвергая предложения о членстве в политических партиях. При этом они не отрицают, что больше всего митрополит симпатизировал УНДО (партия, выступавшая за автономию Галичины в составе Польши, которая со временем должна была перерасти в полную независимость), а лидеры последней были вхожи в близкий круг общения главы ГКЦ. В 1920-е гг. Шептицкий также проявлял благосклонность к Украинской радикальной партии социалистического толка, программа которой содержала национально-государственные тезисы. Политические симпатии греко-католического митрополита обнаруживали его взгляды на будущее украинского народа как независимого и государственного (с. 133–134).

Следует отметить, что эти взгляды митрополита разделяло большинство представителей духовенства ГКЦ. Однако исследователи отмечают, что в греко-католическом клире были и его оппоненты, которые полагали, что церковь должна быть во всем лояльна польской власти и все делать для поддержания существующего строя и что вопрос украинской государственности — дело отдаленного будущего, а его разрешение зависит от Божия промысла. Группу сторонников таких идей возглавлял епископ Станиславский Григорий Хомышин. Авторы утверждают, что различия в политических пристрастиях обоих иерархов ГКЦ находились в прямой зависимости от их взглядов на обрядовую сторону жизни церкви. Митрополит Шептицкий был сторонником сохранения восточнохристианской богослужебной традиции, тогда как Григорий Хомышин полагал, что греко-католиче-

ские обряды необходимо привести в полное соответствие с латинской традицией Католической церкви.

Авторы убедительно показали, насколько существенной была роль ГКЦ в общественно-политической жизни Галиции в межвоенный период и как сильно греко-католическую иерархию и духовенство волновали актуальные политические вопросы.

В главе, посвященной развитию украинского «интегрального» национализма, последовательно изложена история формирования этой идеологии (отцом которой был Д. Донцов), а также создания и становления радикальных националистических организаций, в том числе и самой влиятельной среди них — Организации украинских националистов (ОУН). Львовские исследователи признают, что украинское националистическое движение, по примеру других националистических движений Европы, делало попытки сакрализации собственной идеологии и тем самым приобретало черты политической религии (превознесение украинской нации, создание системы мифов и верований, а также специальных кодексов этических заветов для украинских националистов, пропаганда мессианской роли ОУН, культ героизма, связанного со священной историей освободительной борьбы). В то же время А. Зайцев отмечает, что украинский национализм так и не перерос полностью в политическую религию, как это произошло с фашизмом в Италии и нацизмом в Германии. Этого не произошло потому, что ОУН находилась в подполье и не могла вовлечь в свою деятельность широкие массы, не имела своего «священного текста» вроде *Mein Kampf* или произведений Маркса и Ленина, а создатель ОУН Е. Коновалец был не в состоянии претендовать на роль лидера-вождя по примеру Муссолини или Гитлера. Но главным препятствием, с которым, по мнению А. Зайцева, сталкивались пропагандисты крайнего национализма, был традиционный уклад жизни галицкого населения с его укорененностью в христианской вере греко-католического обряда, уклад, не допускавший чрезмерной сакрализации нации. Также исследователи отмечают, что претензии националистов на придание украинской национальной идее характера политической религии были настолько очевидны, что в 1930-е годы они встревожили Греко-католическую церковь и вызвали ее сопротивление (с. 229–230).

В заключительной главе книги предложен обстоятельный анализ взаимоотношений ГКЦ с украинским националистическим движением. Авторы отмечают, что в межвоенный пери-

од ГКЦ по-прежнему оставалась стержнем национальной идентичности галицийских украинцев. Наряду с религиозным просвещением священники значительное внимание уделяли воспитанию в пастве национального патриотического духа. Это выражалось в поддержке таких общественных патриотических организаций, как «Просвіта», «Рідна школа», «Пласт», а также в совместной организации национальных патриотических праздников. Общественная активность ГКЦ была столь высока, что вызывала обеспокоенность польских властей, которые следили как за первыми лицами иерархии, так и за рядовыми священниками, а наиболее активные даже подвергались арестам (с. 248).

Особое внимание авторы уделили вопросу о соответствии идеологических представлений ОУН о церкви и религии собственно учению ГКЦ. Между ними выявились значительные расхождения. Для ГКЦ была неприемлема абсолютизация нации, а также стремление ОУН к созданию независимой от Рима и Москвы национальной украинской церкви, что входило в противоречие с универсальным характером Католической церкви. Кроме того, радикальные националисты были непримиримо настроены против лояльной позиции греко-католической иерархии по отношению к польским властям, считая, что церковная иерархия своей угоднической политикой вредит борьбе за независимую Украину. Греко-католическое духовенство, в свою очередь, не могло одобрительно относиться к терроризму и революции как методам освободительной борьбы. В то же время историки отмечают, что большинство членов ОУН относилось к ГКЦ традиционно, оставаясь ей верными на уровне обрядовой жизни и оказывая должное уважение ее иерархии. Кроме того, идеологам радикального национализма приходилось считаться с высокой религиозностью галицийского общества, сильными позициями ГКЦ и авторитетом митрополита Андрея Шептицкого.

Однако в 1930-е годы между ОУН и духовенством ГКЦ все чаще имели место конфликты, связанные с борьбой обеих сторон за влияние над умами галичан, в первую очередь молодежи. Иерархия и духовенство ГКЦ пытались оградить население Галиции от экстремистских движений — коммунизма и интегрального национализма. С этой целью создавали католические партии (Украинская католическая народная партия — инициатор еп. Григорий Хомышин) и надпартийные организации (Украинский католический союз — инициатор митр. Андрей Шептицкий; Католическая акция

украинской молодежи, Католическая акция украинской женской молодежи). Партия епископа Григория, как и сам владыка, относились к деятельности ОУН крайне отрицательно, тогда как отношение Католического союза и митрополита Андрея Шептицкого к украинским националистам однозначно оценить невозможно.

С одной стороны, Шептицкий разделял главную цель националистического движения — создание независимого государства, но с другой — не одобрял экстремистские методы политической борьбы. Авторы не избегают упоминания об отдельных высказываниях греко-католического митрополита, которые можно охарактеризовать как санкционирующие революционную борьбу. В то же время они объясняют, что позиция главы ГКЦ не противоречила социальной доктрине Католической церкви, согласно которой, если руководители государств переступают границы своей власти или их действия противоречат законам Бога, их власть утрачивает обязывающую силу.

Авторы отмечают, что Шептицкий действительно первое время воздерживался от осуждения действий ОУН, однако ситуация изменилась после открытого противостояния с организацией в 1933 г. по случаю проведения по благословению митрополита Андрея патриотического праздника «Украинская молодежь Христу», который националисты пытались сорвать любыми способами, вплоть до угрозы террористических актов (с. 278–282). В 1934 г. митрополит выступил с резкой критикой ОУН в связи с убийством директора Архиепископского института Католической акции И. Бабия (который предпринимал попытки для предотвращения вербовки студенческой молодежи в националистическое подполье) и другими террористическими действиями, участившимися в то время (с. 294). Критические оценки в адрес интегральных националистов звучали и из уст других представителей ГКЦ.

Кроме того, авторы показывают, как сторонники позиции митрополита Андрея Шептицкого пытались сотрудничать с ОУН с целью возвращения националистического движения к христианским основам, поскольку они считали националистов своими союзниками в борьбе с неприемлемыми идеологиями коммунизма, социализма и либерализма. Эти политические системы считались опасными из-за их плюрализма, вольнодумства и индифферентного отношения к религии, материализма. Национализм же, очищенный от антихристианских извращений, соответствовал, по мнению греко-католического

клира, церковной этике. В частности, историки приводят выражение одного из греко-католических мыслителей, о. М. Конрада: «Соревнования наций за свою национальную государственность являются высоко этичными» (с. 330).

В 1930-е годы в ГКЦ (еп. И. Бучка, о. М. Конрад, К. Чехович) большое внимание уделялось разработке и интеграции в галицийское общество так называемого «христианского национализма». Последний, по мнению его сторонников, мог сплотить украинский народ ради построения украинского независимого государства. Предполагалось, что любая связанная с этим деятельность, как и основы будущего национального государства, обязательно должна быть христианской. Следует отметить, что идеи христианского национализма распространялись в Европе еще в 1920-х гг. Говоря о политических инициативах ГКЦ, авторы констатируют тот факт, что в большинстве своем население Галичины, несмотря на свою глубокую укорененность в вере и преданность греко-католическому обряду, не понимало и не принимало таких форм церковной активности.

В итоге авторы приходят к следующим выводам.

Отношение ОУН к традиционной религии формально было позитивным, но имело прежде всего инструментальный характер: христианство восточного обряда рассматривалось как важнейшая основа национального сознания, а церковь — как исключительно национальный институт. Внутри ОУН существовали различные позиции по религиозному вопросу, и поэтому религиозную политику этой организации следует рассматривать как разновекторную и изменяемую в зависимости от обстоятельств. С одной стороны, это было связано с христианским воспитанием большинства членов организации, а также с сильными позициями церкви в галицийском обществе. С другой стороны, в идеологии интегрального национализма были положения, которые противоречили христианству и экклезиологическим основам Греко-католической церкви. Также для руководства ОУН было неприемлемо лояльное отношение иерархии ГКЦ к польской власти; кроме того, националисты со временем стали претендовать и на роль духовного воспитателя нации. Указанные противоречия приводили к конфликтам с церковью.

Что же касается интерпретации львовскими историками отношения ГКЦ к националистическому движению, то следует отметить, что по глубине разбора и массиву использованных материалов, а также взвешенным оценкам данное исследова-

ние выгодно отличается от написанных ранее. Авторы последовательно изложили обстоятельства и причины контактов ГКЦ с националистическим движением, а также историю ухудшения их взаимоотношений в 1930-е гг., когда отдельные представители ГКЦ пытались воспрепятствовать соединению националистической идеологии и христианства и предотвратить вовлечение молодежи в националистическое подполье. Авторы проанализировали общественно-политические инициативы греко-католической иерархии по созданию в Галиции гражданского общества, основанного на католическом самосознании. Они также не обошли вниманием факт наличия в общественно-политическом движении греко-католиков внутреннего противоборства двух разных направлений, возглавляемых митрополитом и станиславским епископом.

Следует отметить, что в итоговых выводах исследователи связно изложили мотивацию, успехи и неудачи общественно-политической деятельности ГКЦ. Главная неудача, по убеждению авторов, состояла в том, что католическое общественное движение не смогло стать эффективной альтернативой интегральному национализму. Причины этой неудачи следующие: во-первых, само католическое движение не было лишено тоталитарности, связанной с существовавшим в то время пониманием «настоящей католичности»; во-вторых, его вдохновители не видели опасности, исходящей от интегрального национализма, — тоталитаризма; в-третьих, у них отсутствовало понимание того, что тоталитаризму может противостоять только идейный плюрализм. Последний момент, по мнению авторов, ослаблял позицию католического движения, поскольку оно относило к своим врагам и либерализм, и социализм (даже в его демократическом варианте), которые могли бы совместно с католическим движением противостоять тоталитаризму. А самую главную причину невосприимчивости украинской молодежи к политическому католицизму исследователи видят в том, что он не давал убедительного ответа на вопрос, как достигнуть национального освобождения и обрести собственную государственность (с. 346).

Здесь важна мотивация общественно-политической деятельности греко-католического духовенства. По мнению авторов, политический католицизм был вынужденным ответом ГКЦ на вызовы модерных общественно-политических движений первой половины XX века, в которых церковь видела угрозу христианским ценностям. ГКЦ стремилась быть социально ответствен-

ной, и поэтому епископат искал адекватные меры противостояния «вражеским идеологиям» и действенные методы работы среди мирян, в первую очередь среди молодежи. Католические авторы в принципе не подвергают сомнению саму необходимость вовлеченности ГКЦ в политическую борьбу; очевидно, на их взгляд, это оправдывалось благими намерениями.

При этом следует отметить, что критический мотив в оценке политической активности церковных деятелей все-таки присутствует в заключительных замечаниях, когда авторы подчеркивают, что данное явление было характерно для определенной эпохи и что ныне Украинская греко-католическая церковь, ссылаясь на пастырское учение митрополита Андрея Шептицкого, решительно отказалась от вмешательства в политику, став значимым участником общественной и духовной жизни современной Украины. Это утверждение свидетельствует о том, что представителям Украинского католического университета, к сожалению, не удалось избежать традиционного для греко-католической историографии позиционирования митрополита Андрея Шептицкого как аполитичной фигуры. Хотя глава ГКЦ, действительно, старался избегать непосредственного участия в политических акциях, открыто не связывал себя с каким-либо политическим направлением и держался выше межпартийной борьбы, само рассматриваемое исследование опровергает утверждение, что митрополит Андрей Шептицкий был «вне политики». Ибо очевидно, что именно он сам и его высокий авторитет в галицийском обществе были генераторами общественно-политической активности представителей греко-католического клира и деятельных верующих. Это ставит под сомнение объективность оценки авторами аполитичности греко-католического клира в наше время — со ссылкой на фигуру и наследие митрополита Андрея Шептицкого.

Что касается острых, дискуссионных вопросов об отношении митрополита Андрея и ГКЦ к ксенофобии, в том числе к антисемитизму, то авторы специально их не рассматривают, ограничиваясь разбором тех аспектов «интегрального национализма», которые абсолютно неприемлемы с точки зрения христианской этики. Они отмечают, что представление о национальной исключительности и превосходстве одной нации над другой, а также связанные с ним проявления межнациональной ненависти и насилия были одной из причин конфликта между Греко-католической церковью и ОУН в 1930-е гг. При этом авторы не упоминают о позиции